

О работе Наркомата иностранных дел СССР в Куйбышеве (1941-1943)

С.И. Чернявский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье анализируется работа Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР в Куйбышеве (ныне Самара), куда он был эвакуирован в 1941-1943 гг. вместе с другими центральными государственными учреждениями и дипломатическим корпусом, аккредитованным в СССР. Хотя этот период был не столь длительным – всего два года – и ключевые решения принимались, разумеется, в Москве, в «запасной столице» велась напряжённая «черновая» работа, которая обеспечивала решение задач, поставленных руководством страны перед аппаратом НКВД.

Речь шла, в первую очередь, о концентрации дипломатической деятельности на конкретных направлениях, способных оказать реальную помощь Красной Армии в получении необходимого вооружения и стратегического сырья. Среди других задач – поиск союзников, налаживание с ними эффективного военного, экономического и политического сотрудничества, противодействие расширению фашистской коалиции за счёт Швеции и Турции, предельно взвешенная политика на Дальнем Востоке с тем, чтобы избежать военного столкновения с Японией.

В связи с ухудшением военной обстановки на Западном фронте и угрозой захвата Москвы 16 октября 1941 г. основной состав наркоминдела во главе с заместителем наркома А.Я. Вышинским и члены дипломатического корпуса были эвакуированы в Куйбышев (ныне – Самара). В.М. Молотов с небольшой группой помощников остался в Москве.

Отношения НКВД с эвакуированными в Куйбышев посольствами складывались по-разному – уровень и интенсивность контактов с ними во многом зависели от двусторонних отношений с соответствующими государствами. Первое место по значимости занимали, разумеется, контакты с посольствами Великобритании и США. Через послов этих стран решались ключевые задачи формирования антигитлеровской коалиции, согласовывались даты встреч на высшем уровне.

Разумеется, «скуденность» сотрудников центрального аппарата и иностранных дипломатов в небольшом областном городе вносила сложности в их практическую реализацию. Тем не менее, стремление к общей победе, понимание ответственности перед своим отечеством объединяли эту разнородную «дипломатическую команду» и облегчали поиск компромиссных решений.

Возвращение в Москву сотрудников наркомата и дипломатического корпуса состоялось после победы на Курской дуге. Окончательно Куйбышев вернул Москве статус столицы СССР только в конце 1943 г.

Ключевые слова: Наркомат иностранных дел СССР, Куйбышев, Самара, Великая Отечественная война

УДК: 322.2

Поступила в редакцию: 27.01.2020 г.

Принята к публикации: 25.05.2020 г.

По мере приближения очередного юбилея Победы советского народа и сил антигитлеровской коалиции над фашизмом в средствах массовой информации ряда зарубежных государств традиционно нарастает волна русофобства, направленная на извращение роли Советского Союза во Второй мировой войне. Самое невероятное в том, что «застрельщиками» этой позорной кампании выступают лидеры и общественные деятели тех стран, освобождение которых стоило нашему народу наибольших жертв. Среди них, в первую очередь, представители Польши и балтийских государств.

Отдавая дань памяти миллионам советских граждан павшим в борьбе с фашизмом, невозможно – да и бесполезно – особо выделить какую-то категорию гражданских лиц, вложивших наибольший вклад в Великую Победу. Вместе с тем, очевидно, что весомая роль в её достижении принадлежит советским дипломатам, которые в предвоенный период боролись за предотвращение германской агрессии, а с первых же дней войны включились в создание антигитлеровской коалиции.

В статье анализируется работа Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР в Куйбышеве (ныне Самара), куда он был эвакуирован в 1941–1943 гг. вместе с другими центральными государственными учреждениями и дипломатическим корпусом, аккредитованным в СССР. Хотя этот период был не столь длительным – всего два года – и ключевые решения принимались, разумеется, в Москве, в «запасной столице» велась напряжённая «черновая» работа, которая обеспечивала решение задач, поставленных руководством страны перед аппаратом НКВД.

По сравнению с многообразной историографией работ, посвящённых деятельности Министерства иностранных дел СССР (Наркомата иностранных дел) в годы Второй мировой войны, избранный для данной статьи период нашёл сравнительно скромное отражение в работах советских и зарубежных историков. Основным материалом для анализа деятельности НКВД в «самарский период» являются «Документы внешней политики СССР», «Очерки истории МИД России», изданные в 2002 г. к 200-летию МИД России, исследования таких российских историков, как С.Л. Тихвинский, А.О. Чубарьян, М.М. Наринский, В.О. Печатнов, мемуары советских дипломатов – В.М. Бережкова, М.И. Иванова, Н.В. Новикова, В.Л. Исраэляна, А.М. Александрова-Агента.

Представляют несомненный интерес работы американских исследователей Д. Майерса и Д. Данна с подробными характеристиками послов США военного периода, а также весьма тенденциозные мемуары послов Швеции В. Ассарсона и Польши С. Кота. Поскольку через Куйбышев шли переговоры о создании польских, чехословацких и французских воинских подразделений, мемуары будущего президента ЧССР Л. Свободы, генерала В. Андерса и его помощника Е. Климовского, а также представителя «Сражающейся Франции» Р. Гарро проливают свет на малоизвестные страницы советской дипломатии избранного

периода. Большой вклад в изучение данной проблемы внесли самарские учёные и журналисты – А.Е. Павлов, Э.Я. Дмитриева и А.И. Репинецкий. Их исследования, а также материалы куйбышевских газет военного периода «Симбирский курьер» и «Волжская коммуна» дают многомерное представление о жизни и работе иностранных дипломатов в «запасной столице».

К весне 1941 г. вся система государственного управления СССР оказалась подорванной многочисленными «чистками», выявлявшими «вредителей и диверсантов». Не ставя под сомнение обоснованность подобных обвинений в отдельных конкретных случаях, массовый характер жестоких репрессий наносил серьёзный удар по единству страны. Показательные судебные процессы 1936-1938 гг. оказали негативное влияние на международный имидж страны, осложнив практическую деятельность НКВД.

Репрессии обрушились как на Центральный аппарат Наркомата, так и на его загранучреждения. Многие ведущие советские дипломаты были арестованы, осуждены и расстреляны (список репрессированных и посмертно реабилитированных дипломатов на сайте МИД РФ впечатляет – более 140 чел.). В числе «врагов народа» оказались четыре бывших и действующих заместителя наркома, многие полпреды с огромным опытом работы. Некоторые ответственные работники за рубежом в этой обстановке выбрали эмиграцию. Опустели советские представительства за рубежом. Вакансии в Центральном аппарате не заполнялись в течение длительного времени. Вместо опытных дипломатов на работе в НКВД оказались люди, далёкие от сферы внешней политики. В основном из рядов партийных и советских работников, технической интеллигенции.

3 мая 1939 г. на посту наркома иностранных дел СССР М. Литвинова сменил сохранивший должность председателя Совнаркома СССР Вячеслав Михайлович Молотов. Новый нарком продолжил начатую ранее «чистку» аппарата, установил строгую централизацию и жёсткую вертикаль деятельности советской дипломатической службы, полностью лишив руководителей загранучреждений права на самостоятельные инициативные действия, не согласованные заблаговременно с Центром.

Следует отметить, что агрессия фашистской Германии застала Советский Союз плохо подготовленным не только в военном, но и в дипломатическом отношении. Из-за противодействия западных держав отечественной дипломатии не удалось создать систему коллективной безопасности с целью предотвращения агрессии Германии, Италии и Японии. Переговоры с представителями Великобритании и Франции, которые велись в 1939 г., были прерваны, и отношения с этими странами были фактически заморожены.

Война потребовала коренной перестройки всей работы НКВД. Заметно сократился его численный состав – даже в ведущих подразделениях, курировавших отношения с Великобританией, Германией и США, осталось по четыре сотрудника. Однако благодаря своим высоким деловым качествам они обеспе-

чивали ритмичную, высокопрофессиональную работу наркомата в тяжелейших условиях военного времени в круглосуточном режиме.

4 июля 1941 г. по постановлению Государственного комитета обороны «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения» началась запись добровольцев-сотрудников НКВД, а 10 июля 163 сотрудника наркомата ушли на фронт в рядах 6-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения. В составе 24-й армии дивизия героически сражалась под Ельней, а в кровопролитных боях на Смоленщине погибли 72 сотрудника НКВД.

Перед советской дипломатией были поставлены важные стратегические задачи. Речь шла, в первую очередь, о концентрации дипломатической деятельности на конкретных направлениях, способных оказать реальную помощь Красной Армии в получении необходимого вооружения и стратегического сырья. Среди других задач - поиск союзников, налаживание с ними эффективного военного, экономического и политического сотрудничества, противодействие расширению фашистской коалиции за счёт Швеции и Турции, предельно взвешенная политика на Дальнем Востоке с тем, чтобы избежать военного столкновения с Японией.

Первым заместителем В.М. Молотова в военный период был А.Я. Вышинский (с 6 сентября 1940 г.), а заместителями – В.Г. Деканозов (с 3 мая 1939 г.), С.А. Лозовский (с 15 мая 1939 г.), М.М. Литвинов (с 10 ноября 1941 г.), И.М. Майский (с 28 июля 1943 г.), С.И. Кавтарадзе (с 3 сентября 1943 г.), А.Е. Корнейчук (с 23 мая 1943 г. по 2 февраля 1944 г.) и М.И. Алиев (с 22 ноября 1943 г. по 3 сентября 1944 г.).

Среди первоочередных задач «технического» и гуманитарного характера, выдвинутых войной, стоял вопрос о том, кому из государств, соблюдавших нейтралитет, следовало доверить защиту советских интересов в странах, прямо объявивших состояние войны с СССР или разорвавших с ним дипломатические отношения. Следовало также решить порядок возвращения на Родину советских граждан, находившихся к началу войны на территории вражеских государств.

27 июня нарком В.М. Молотов личной телеграммой в адрес Международного Комитета Красного Креста дал согласие на организацию на условиях взаимности обмена списками военнопленных между воюющими сторонами в нейтральной Турции. Переговоры об обмене советских и германских граждан, проходившие при посредничестве болгарской и шведской миссий в Москве, завершились передачей 13 июля 979 советских граждан в обмен на 237 германских граждан.

НКВД СССР в «запасной столице»

В связи с ухудшением военной обстановки на Западном фронте и угрозой захвата Москвы 16 октября основной состав наркоминдела во главе с заместителем наркома А.Я. Вышинским и члены дипломатического корпуса были эва-

куированы в Куйбышев (ныне – Самара). В.М. Молотов с небольшой группой помощников остался в Москве.

Ветераны дипломатической службы М.И. Иванов, В.М. Бережков и другие с волнением вспоминают свой переезд в Куйбышев. М.И. Иванов: «Будучи на работе, услышал в кабинете заведующего отделом телефонный звонок. Звонил заместитель наркома. Он приказал немедленно покинуть НКВД и отправляться на Савёловский вокзал для выезда из Москвы. Мы с женой быстро собрались. С большим трудом добрались до вокзала. Нашли наш поезд. Утром 16 августа 1941 г. мы покинули Москву и отправились в Куйбышев» (Иванов 2000: 54). А вот как описывает те же события секретарь и переводчик наркома В.М. Бережков: «Утром 16 октября я, как обычно, пришёл в 9 часов на работу и занялся текущими делами. Около 11 часов утра раздался телефонный звонок, и всем было передано распоряжение немедленно собрать дела и самые необходимые личные вещи и отправляться на Казанский вокзал. У подъезда Наркомата на Кузнецком мосту выстроились покрытые брезентом грузовики. Падал снег. Сотрудники носили в машины папки с бумагами» (Бережков 1987: 113).

Архивы наркомата были также вывезены из Москвы. Первую партию в шести железнодорожных вагонах доставили в Куйбышев ещё 28 июля 1941 г., а в конце августа и другие оставшиеся в Москве архивы НКВД были эвакуированы в г. Мелекесс.

Трагическая деталь. В специальном тюремном вагоне (в одном поезде с дипломатами) в Куйбышев привезли нескольких «врагов народа»: командующего ВВС Красной Армии, героя Советского Союза П.В. Рычагова; главного инспектора ВВС, дважды Героя Советского Союза Я.В. Смушкевича; командующего ПВО СССР Героя Советского Союза Г.М. Штерн; артиллерийского конструктора Я.Г. Таубина и ещё 19 высших командиров Красной Армии. 28 октября все они вместе с жёнами были расстреляны в пригороде Куйбышева.

6 ноября куйбышевская часть наркомата официально приступила к работе. В Оперном театре состоялось торжественное заседание с традиционным докладом по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, который сделал первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский. На заседании и последующем концерте артистов Большого театра присутствовали члены советского правительства, весь дипломатический корпус, иностранные журналисты.

На следующий день, 7 ноября в Куйбышеве одновременно с Москвой прошёл военный парад, который произвёл большое впечатление на присутствовавших дипломатов, продемонстрировав им наличие на Средней Волге мощной и хорошо вооружённой резервной армии.

Сотрудников наркомата разместили в здании бывшего Куйбышевского коммунистического университета. Первое время они жили и работали в актовом зале, спали на полу. Постепенно жизнь налаживалась – учебные аудитории и институтские залы разделялись перегородками, появилась телефонная связь.

Работа занимала весь день и часть ночи, в Куйбышеве, как и в Москве, практиковались ночные бдения до трёх-четырёх часов утра. Одной из главных причин изнурительного рабочего режима была боязнь руководства не оказаться на месте, если вдруг позвонит Сталин, работавший, как известно, по ночам.

В отношениях главы «куйбышевского филиала», бывшего генерального прокурора и зачинателя наиболее громких «чисток» 30-х гг. А.Я. Вышинского с сотрудниками царили высокомерие и грубость. Эти пороки, как эпидемия, перекинулись и на остальное руководящее звено. А.М. Александров-Агентов и другие советские дипломаты с горечью вспоминают это явно неадекватное сложному периоду деятельности сотрудников НКВД поведение. Тем более что семьи сотрудников были эвакуированы в другие районы, а скудное питание и работа на износ подрывали здоровье. Н.В. Новиков вспоминает, что отпускаясь на семью продовольственный паек не позволял накормить досыта даже детей, не говоря уже о взрослых. Хотя это постоянное недоедание было фактически нормой для подавляющего большинства советских людей (Новиков 1989: 88).

Поскольку наиболее ответственные переговоры с представителями стран-союзниц по антигитлеровской коалиции проводили И. Сталин и В. Молотов в Москве, то для участия в них из Куйбышева вызывались заведующие соответствующими подразделениями. На практике это означало раздел аппарата НКВД на две части: одна – в Москве, где находился Секретариат наркома из семи-восьми человек во главе с Б.Ф. Подцеробом, обеспечивавшим встречи на высшем уровне, другая – в Куйбышеве, где велась повседневная работа по подготовке необходимых документов и осуществлялись контакты с дипломатическим корпусом. Приезжавшие из Куйбышева в командировки в Москву сотрудники после рабочего дня, обычно длившегося до глубокой ночи, не возвращались в свои опустевшие холодные московские квартиры, а оставались ночевать в служебных кабинетах в наркомате. Тем более что передвижение по Москве после наступления темноты в условиях военного времени было весьма ограниченным.

В конце 1941 г. перед аппаратом НКВД в Куйбышеве стояло несколько практических задач первостепенной важности. Послы В.Л. Израэлян и С.Л. Тихвинский обоснованно считают, что наиболее срочным было подготовить и подписать соответствующие соглашения с США и Великобританией о военно-политическом союзе в борьбе с фашистской агрессией (Израэлян 1985; Тихвинский 2006). Во-вторых, установить контакты с движениями сопротивления на территории стран, оккупированных фашистскими войсками – Польши, Голландии, Франции, Бельгии, Югославии. Кроме того, важно было с помощью дипломатических и политических средств не допустить вступления в войну против нашего государства Японии, а также нейтрализовать те силы в Афганистане, Иране и Турции, которые стремились к союзу с Германией. В качестве более отдалённой перспективы рассматривалась задача разработки системы договоров об экономическом, военно-техническом и гуманитарном сотрудничестве с государствами, объявившими войну Германии.

Реализация поставленных руководством страны задач во многом зависела от результатов работы с главами дипломатического корпуса, также эвакуированного из Москвы в Куйбышев. Ведь именно они были главными информаторами своих правительств о положении на советско-германском фронте.

Иностранные дипломаты в Куйбышеве

Отношения НКВД СССР с аккредитованными в Москве представителями иностранных государств складывались под влиянием как международных событий (в первую очередь, советско-финской войны), так и внутривнутриполитических (показательные процессы над «врагами народа»). В конце 1930-х гг. в стране резко усилилось недоверие к иностранцам. Как говорил заместитель наркома В.П. Потемкин, «нежелательные иностранцы высыпаются за границу целыми пачками». Особенно это касалось германских граждан, в основном технических специалистов. Действия начальника ОГПУ Г.Г. Ягоды и генерального прокурора А.Я. Вышинского, связанные с арестами иностранных граждан в Советском Союзе, приняли такой размах, что нарком М.М. Литвинов был вынужден неоднократно обращаться с просьбами дать указание всем отделам ОГПУ своевременно информировать НКВД о подобных действиях с тем, чтобы подтвердить их законность. Аресты, приговоры, просьбы о замене наказания высылкой иностранцев за рубеж – всем этим наркомат иностранных дел вынужден был заниматься практически ежедневно. В мае 1939 г. нарком Литвинов был снят со своего поста.

В довоенный период СССР имел дипломатические отношения с 28 государствами. Посольства и миссии этих стран были немногочисленны, а в начале Великой Отечественной войны многие диппредставительства дополнительно сократили свой состав, мотивируя это «бытовыми лишениями на территории воюющего государства». Всё это несмотря на то, что в условиях нехватки продовольствия, отсутствия комфортабельных помещений руководство НКВД обеспечило дипкорпус специальными пайками, бытовыми товарами, отоплением квартир и другими удобствами.

Агрессия фашистской Германии была по-разному воспринята иностранными дипломатами. Многие полагали, что победа Гитлера неизбежна. В конце августа в Москве распространялись панические слухи о сдаче города немцам. В эту кампанию включились и некоторые члены дипкорпуса, в том числе японский посол генерал И. Татекава, утверждавший, что Гитлер готовит свой въезд в Москву, а Сталин – свой переезд в Свердловск (Assarsson 1963: 36). Эти слухи активно поддерживал и американский посол Л. Штейнгардт, которого И. Сталин называл «пораженцем, сплетником и трусом» (Mayers 1995: 132).

В связи с прорывом фашистами Можайской линии обороны 15 октября советское руководство приняло решение об эвакуации государственных учреждений в Куйбышев. В этой связи В. М. Молотову поручалось заявить аккредитованным в СССР иностранным миссиям о необходимости их немедленного переезда

в Куйбышев. В тот же день нарком пригласил дуайена дипкорпуса посла Ирана М. Саеда, а также послов Великобритании и США, предложив им немедленную эвакуацию. Предусматривалось при этом, что англичане и американцы оставят минимум сотрудников для обеспечения технической работы посольств.

В течение двух дней – 19-20 октября 1941 г. в город прибыли сотрудники 12 посольств и шести миссий. В том числе – Афганистана, Болгарии, Великобритании, Греции, Ирана, Китая, Монголии, Норвегии, Польши, Тувы, Югославии, Японии, а также представительства Комитета национального освобождения Франции. Уже в Куйбышеве была открыта 1 августа 1942 г. миссия Бельгии, которая представляла и интересы Люксембурга. Появились диппредставительства Мексики и Канады, миссии Австралии и Кубы. Всего прибыло 300 иностранных граждан (включая жён и детей, переводчиков, поваров и шофёров). В Москве осталась лишь часть сотрудников наиболее крупных посольств, которые осуществляли связь коллег из Куйбышева с оставшимся в столице руководством страны (Бережков 1987: 113).

По-разному отнеслись дипломаты к своему переезду. Те, кто помоложе – более эмоционально, а те, кто постарше – не скрывали своего недовольствия. Так, бывший секретарь посольства Швеции в СССР Сверкер Острем, вспоминает эту поездку как детективную историю, повествуя как его и семерых других младших сотрудников, привезли в пустой старинный особняк без мебели, в котором они обнаружили около двадцати железных кроватей. «Позже, делаясь своими впечатлениями с другими дипломатами, мы выяснили, что нашему посольству досталось самое лучшее здание из всех. Мы были приятно удивлены: вскоре открылся «Гастроном» для дипломатического корпуса с икрой и водками» (Павлов 1995: 20).

Великобритания в Куйбышеве была представлена 17 сотрудниками и журналистами, столько же было американцев. От Польши – 14 человек, Японии – 10 плюс 11 человек вспомогательного персонала и журналисты, от Китая – 12 сотрудников с пятью жёнами, от Турции – девять, Чехословакии пять с двумя жёнами, Ирана – шесть с двумя жёнами, Швеции – семь, от Греции и Норвегии – по шесть, от Югославии – пять, Болгарии – три. Для провинциального города, который вынужден был, в первую очередь, приютить эвакуированный из Москвы государственный аппарат подобный наплыв иностранцев стал серьёзным испытанием.

Местные власти в экстренном порядке освободили для иностранцев 20 бывших купеческих особняков в центре города. Хотя это было лучшее, что мог дать город, многие дипломаты всё равно остались недовольны. Англичанин Криппс говорил об изобилии клопов и тараканов (Суслопарова 2018), а теплолюбивый японский посол Татекава жаловался на плохое отопление, из-за которого он вынужден был спать на кухне около плиты. Были и явно завышенные требования. Так, сотрудник миссии США по военному снабжению Красной Армии полковник Файновилл просил предоставить ему для проживания дом или квартиру в 16-18 комнат, а также гараж на три автомобиля (Павлов 1995:4).

Недоволен был и посол США Л. Штейнгардт, которого разместили вместе с его персоналом в здании средней школы. С видом оскорблённого человека Штейнгардт заявлял, что «поступил на дипломатическую службу не для того, чтобы страдать, а с тем, чтобы получать удовольствие от жизни» (Assarsson 1963: 39). За время своего пребывания в СССР Штейнгардт прославился скупкой икон, а, будучи отозван Рузвельтом в ноябре 1941 г., с нескрываемым высокомерием вспоминал о своей работе в России, в которой «люди не знают о существовании туалетной бумаги, поскольку у них нет достаточно еды, чтобы испытывать в ней необходимость» (Mayers 1995: 133).

Особого внимания требовал к себе зарубежный корреспондентский корпус. Новая государственная структура – Советское информационное бюро, созданная для информирования и контрпропаганды как внутри страны, так и за рубежом, с трудом справлялась со своими обязанностями. Тем более что фактически основная нагрузка по организации работы Совинформбюро легла на малочисленный отдел печати НКВД. Журналисты требовали большей свободы передвижений и расширения контактов с военнослужащими. Их возможности первыми получить новость с фронта были ограничены жёсткими рамками Совинформбюро. Даже передвижения корреспондентов по городу были ограничены до минимума. Поэтому 24 марта 1942 г. временный поверенный в делах США У. Торстон обратился к руководству НКВД с просьбой дать разрешение на переезд в Москву журналистов наиболее значимых информагентств, поскольку «в Куйбышеве они не могут работать так эффективно, как в Москве. Ведь большинство новостей объявляется впервые в столице и эти новости обычно устаревают, когда достигают Куйбышева» (Документы внешней политики СССР... 2010: 243). Российская сторона, однако, ответила отказом. «Не находясь в Куйбышеве, иностранные корреспонденты лишены пресс-конференций, да и вообще обычно принято, чтобы они находились там же, где и весь дипломатический корпус», – заявил заместитель наркома В.Г. Деканозов, добавив, что «инокорреспонденты иногда бывают излишне настойчивы и даже капризны».

Не исключено, что говоря о «капризах», Деканозов имел в виду корреспондента английской газеты «Дейли Геральд» Турнера, который пришёл в редакцию газеты «Правда» с целым рядом претензий. Он жаловался на то, что в ресторане «Гранд Отель» из 20 обозначенных в меню блюд можно заказать только два, что там месяцами не бывает кофе, какао, других напитков. А продукты из дипломатического магазина нередко исчезают через чёрный ход¹.

Наверное, всё так и было. Однако в спецмагазине с закрашенными мелом окнами и часовыми у дверей, продуктов всё же было в достатке. Конечно, для иностранцев в Куйбышеве тоже действовали нормы отпуска продуктов, хотя и совершенно несопоставимые с теми, что значились в продовольственных кар-

¹ Михайлова Н. 2017. Столица по соседству. *Симбирский курьер*. 02.06.2017

точках жителей города. Так, членам дипломатического корпуса в месяц полагалось 8 кг мяса, 8 кг сахара, 30 кг хлеба и 10 литров (!) водки. Спиртного было настолько много, что иностранцы не гнушались им приторговывать².

Отношения НКВД с дипкорпусом

Отношения НКВД с эвакуированными в Куйбышев посольствами складывались по-разному – уровень и интенсивность контактов с ними во многом зависели от двусторонних отношений с соответствующими государствами.

Первое место по значимости занимали, разумеется, контакты с посольствами Великобритании и США. Становление военно-политического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции проходило трудно и противоречиво. Немало американских и британских деятелей в своих высказываниях не скрывали надежд на то, что в войне между Германией и СССР будут обескровлены обе стороны, в результате чего США и Британская империя получат возможность сохранить и даже упрочить свои мировые позиции. В этом плане характерно заявление британского посла в Москве Ст. Криппса, сделанное им на заседании британского военного кабинета: «Россия не устоит перед Германией дольше трёх или четырёх недель. К концу этого периода враг может оказаться в Ленинграде, Москве и Киеве». Единственное, на что надеялся Криппс, – это отход какой-то части русских войск в Сибирь, где они «имели бы неплохие шансы удержаться» (Сулопарова 2018).

Советскому руководству подобная позиция западных партнёров была хорошо известна, но ему, так же как и лидерам Великобритании и США на первых порах было сложно перестроиться, уйти от классовой принципиальности в подходе к проблемам, решение которых требует гибкости и готовности к необходимым компромиссам. Тем не менее, под влиянием неудач в борьбе с фашистской Германией обе стороны постепенно начали находить консенсус.

При этом советская сторона считала своей важнейшей задачей придать договорное оформление формировавшемуся союзу между СССР, Великобританией и США с тем, чтобы иметь некую гарантию того, что Англия и Соединённые Штаты Америки будут сражаться вместе с СССР до конца войны и не пойдут на сепаратный мир с агрессорами. А такого развития событий нельзя было исключать, поскольку в правящих кругах этих держав были широко распространены крайне враждебные Советскому Союзу настроения. Юридическое оформление союза должно было, по мнению Советского правительства, создать также оптимальные возможности для действительно эффективного сотрудничества трёх держав в войне, координации и согласования их действий для скорейшего разгрома общих врагов. Учитывая горький опыт взаимоотношений между тремя

² Репинецкий А.И. 2018. Самара дипломатическая. *Волжская коммуна*. 26.10.2018

странами в прежние годы, необходимо было по возможности согласовать цели трёх держав в войне и урегулировать ряд нерешённых в отношениях между ними внешнеполитических вопросов.

Таков был общий фон, на котором реализовывалась дипломатическая деятельность СССР. Однако анализ двусторонних отношений с государствами антигитлеровской коалиции выходит за рамки статьи. Цель автора – ограничиться оценкой эффективности практической работы НКВД в Куйбышеве с главами дипломатических миссий, от которых во многом зависело отношение правительств соответствующих государств к сотрудничеству с Советским Союзом.

Интенсивными и многоплановыми были контакты различного уровня с посольствами Великобритании и США. Через послов этих стран решались ключевые задачи формирования антигитлеровской коалиции, согласовывались даты встреч на высшем уровне. Именно в Куйбышеве заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский получил 22 декабря 1941 г. официальное письмо американского посольства, с сообщением о том, что конгресс США 11 декабря 1941 г. объявил о состоянии войны между США и Германией. 18 марта 1942 г. американцы обратились через Вышинского с предложением установить прямую радиотелефонную связь между Вашингтоном и Москвой. В мае 1942 г. она заработала. 22 июня 1942 г. началась эксплуатация советской авиалинии «Куйбышев – Тегеран», существенно разгрузившая американский воздушный «трансиранский коридор», проложенный через советскую Джульфу и Иран.

Совместно с британцами и американцами в Куйбышеве готовились материалы к состоявшейся в конце сентября – начале октября 1941 г. англо-американской миссии в Москву лорда Бивербрука и А. Гарримана, к встрече с И. Сталиным министра иностранных дел А. Идена 16-22 декабря 1941 г. Некоторые государственные деятели (в частности, лидер республиканской партии США Уэнделл Уилки) стремились задержаться в Куйбышеве, чтобы на месте «прощупать» реальные возможности СССР противостоять гитлеровской Германии. Именно так объяснил У. Уилки И. Сталину в ходе их встречи 23 сентября 1942 г. свою просьбу вернуться в США через Сибирь. Такое разрешение было получено.

С руководителями военных миссий США и Великобритании шли переговоры по ленд-лизу, отрабатывались проекты маршрутов по доставке военных грузов. Был, в частности, согласован вопрос о поставке военных самолётов через Персидский залив по маршруту Басра (Ирак) – Абадан (Иран). В этих пунктах предусматривались сборка и окончательное комплектование поставляемых воздушным путём через Африку американских истребителей. Шёл конкретный разговор о номенклатуре поставок вооружения Красной Армии и стратегических материалов для советской оборонной промышленности.

После назначения президентом Рузвельтом нового посла США (Уильям Стэндли прибыл в Куйбышев 4 апреля 1942 г.) в СССР начали прибывать большие объёмы американской военной помощи. Посол не скрывал своей личной

симпатии к героизму советского народа, у него сложились конструктивные отношения как с руководством наркомата, так и лично со Сталиным. Он, однако, полагал, что помощь союзников Советскому Союзу сознательно замалчивается и недооценивается. В своём эмоциональном выступлении в марте 1943 г. на одной из пресс-конференций он заявил, что «российские власти, по-видимому, хотят скрыть факт, что они получают помощь извне. Очевидно, они хотят уверить свой народ, что Красная Армия сражается в этой войне в одиночку» (Данн 2004: 35). Разумеется, это заявление было негативно воспринято советским руководством, и вскоре посол вернулся в США.

В начале марта 1942 г. в Куйбышев прибыл новый посол Великобритании Арчибальд Кларк Керр. В то время этот шестидесятилетний шотландец по праву считался одним из опытейших британских дипломатов. Он начал службу в Министерстве иностранных дел в 1906 г., работал в разных странах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки и Соединённых Штатах. Сталин принял его в Москве 28 марта 1942 г., и Керр сумел ему понравиться. Вспоминая этот приём, Керр утверждал, что он якобы сказал Сталину, что хорошо помнит их первую встречу, состоявшуюся в бомбоубежище Кремля. Он, Керр, «благодарен немцам за то, что они устроили тогда налёт на Москву, потому что благодаря этому он имел возможность беседовать с Генералиссимусом Сталиным в течение 2,5 часов» (Gillies 1999).

Английский посол, как и Сталин, курил трубку. При первой же встрече он польстил суровому советскому лидеру, сославшись на мнение своей матери о том, что, дескать, «трубку курят только хорошие люди», и пожаловался на нехватку качественного табака. После этого Сталин распорядился прислать послу табак высшего качества. При очередной беседе Керр пошел ещё дальше, попросив трубку Сталина, чтобы обвести её контур и заказать в Лондоне новую в качестве памятного подарка.

Серьёзную обеспокоенность у советского правительства вызывала растущая напряжённость на южных границах.

Турецкое правительство в этот период занимало выжидательную позицию в отношении войны с Советским Союзом и это сказывалось на контактах НКВД с послом А. Актаем. В связи с обвинениями в причастности к покушению на германского посла в Турции Ф. фон Папена, выдвинутых турецкими властями против сотрудников советских учреждений в Турции, отношения между Москвой и Анкарой резко обострились. Эти события заметно осложнили и без того взрывоопасную обстановку с учётом демонстративного сосредоточения вблизи советской границы 26 турецких дивизий. Несмотря на советские протесты, Турция предоставляла свою территорию для базирования немецких самолётов и их облётов Кавказа (особенно активно эта разведка велась над Западной Грузией и Арменией).

В нарушение Конвенции о Черноморских проливах, подписанной в 1936 г. в Монтре, Турция пропускала в Чёрное море германские и итальянские воен-

ные корабли (в том числе подводные лодки), которые использовались против советского Черноморского флота. 9 октября 1941 г. было подписано германо-турецкое экономическое соглашение о поставках фашистскому рейху стратегического сырья. Турецкие деятели неоднократно заявляли гитлеровцам, что они заинтересованы в уничтожении «русского колосса». Даже после Сталинградской битвы турки продолжали питать симпатии к фашистской Германии и придерживаться враждебной Советскому Союзу позиции.

Отношения с Ираном после ввода на его территорию советских и английских войск оставалась напряжённой. Наркомат иностранных дел высказывал озабоченность иранскому послу М. Саеду в связи с активизацией в стране заговорщиков, связанных с немцами, стремившихся поднять восстание в северных районах Ирана. Рассчитывая на победу немцев под Сталинградом, они наметили на 27 июля 1942 г. нападение на советские гарнизоны на побережье Каспия.

Дальневосточная граница СССР находилась под постоянной угрозой нападения со стороны Японии. Тем более что война в Китае набирала обороты.

Беседы руководства НКВД с послом Японии Н. Сато касались не только обострившейся ситуации на Дальнем Востоке, но и состояния советско-американских отношений.

В связи с вынужденной посадкой 18 апреля 1942 г. американского бомбардировщика, принимавшего участие в бомбёжке Японии, в районе Владивостока посол Н. Сато вручил 30 апреля А.Я. Вышинскому ноту протеста, в которой японская сторона предупреждала о недопустимости подобных действий, рассматривая их как нарушение нейтралитета «в отношении великой восточноазиатской войны». В начале 1942 г. японцы практически перекрыли все выходы из Владивостока в Тихий океан, а 1 мая 1942 г. торпедировали советский пароход «Ангарстрой». Предельная враждебность правящих кругов Японии к Советскому государству была общеизвестна. В Токио усиленно готовились к нападению на Советский Союз, хотя между двумя странами был заключён договор о нейтралитете. Большой интерес к советско-японским контактам проявляли американцы, поскольку в Вашингтоне были заинтересованы в том, чтобы японская агрессия обращалась в сторону СССР, а не на юг, где она непосредственно задевала бы интересы США.

Немало трудностей у советских дипломатов возникало в отношениях со Швецией и представителями эмигрантских правительств государств, оккупированных гитлеровской Германией.

Что касается посольства Швеции, то шведский посланник В. Ассарссон был частым «гостем» в кабинетах руководства НКВД. Советская сторона, учитывая прогерманские настроения определённой части шведской правящей элиты, стремилась избежать полнокровного подключения Стокгольма к фашистскому лагерю (Рупасов, Самуэльсон 2014). Добиваться этого было непросто с учётом реальной вовлечённости Швеции в сотрудничество с гитлеровцами. Летом 1941 г., после того как Финляндия примкнула к германскому нападению на СССР, швед-

ское правительство не только разрешило транзит через свою территорию дивизии германских войск в Финляндию, но и предоставило для этого свои суда. «Немецкие отпускники», то есть германские офицеры и солдаты, участвующие в войне против СССР и его союзников, возвращались в Германию через шведскую территорию. Несмотря на официальный нейтралитет, на шведской земле формировались отряды «добровольцев», отправлявшихся под командованием шведских офицеров в Финляндию для участия в войне против Советского Союза» (Документы внешней политики СССР... 2010: 196).

Шведы настаивали на своей «непричастности» к перевозке немецких войск и вооружений, а советские подводные лодки топили шедшие под шведским флагом грузовые транспорты со стратегическим сырьём для Германии. При этом обе стороны доказывали свою «невиновность» и регулярно обменивались протестами.

Куйбышевские особенности дипломатической карьеры Ассарссон подробно описывает в своей книге «В тени Сталина» (Assarsson 1963). В конце 1943 г. он был объявлен советскими властями персоной нон грата. Причиной этому послужили обвинения в адрес шведского военного атташе, согласно которым тот передавал советские военные секреты германской стороне. Советское правительство дало понять Стокгольму о желательности отзыва не только атташе, но и самого посланника.

Советское правительство рассматривало налаживание связей с эмигрантскими правительствами оккупированных гитлеровской Германией стран как одно из средств укрепления антигитлеровской коалиции.

Однако согласование с поляками, чехами и французами путей практического решения вопроса о создании национальных воинских подразделений в Красной армии проходило болезненно. В военных миссиях диппредставительств Польши и Чехословакии подходы к решению этой задачи резко отличались друг от друга.

Быстрее всего – уже 18 июля 1941 г. – были установлены официальные отношения с эмигрантским правительством Чехословакии. В совместно подписанном межправительственном соглашении Советское правительство выразило согласие на формирование национальных чехословацких воинских частей на территории СССР, и 27 сентября в Москве было заключено соглашение об их формировании. По словам будущего президента ЧССР Л. Свободы, которому поручили комплектацию чехословацких подразделений, после публикации соглашения о совместных действиях в войне с Германией «перед нами сразу словно распахнулись все двери» и 12 декабря 1941 г. он уже докладывал военной миссии в Куйбышеве: «Обеспечены казармами для одного батальона (1100 человек) и запасной роты (300 человек)» (Свобода 1963: 15). Советское правительство выделило необходимые для этого средства. Чехи и словаки получили возможность принять участие в боях на советско-германском фронте, а тем самым и в освобождении своей страны.

Советское правительство проявляло заинтересованность в установлении сотрудничества с движением «Свободная Франция», возглавлявшимся генералом Ш. де Голлем. 26 сентября 1941 г. состоялся обмен письмами между советским послом в Лондоне и де Голлем. Советское правительство признало де Голля «как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились», которые сплотились вокруг него. Оно выразило готовность «оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и её союзниками». Находившийся в Куйбышеве представитель Национального комитета Свободной Франции в СССР Роже Гарро по поручению Ш. де Голля обратился 13 марта 1942 г. к руководству НКВД с предложением направить на Восточный фронт французскую дивизию, воевавшую в Сирии (Документы внешней политики СССР... 2010: 195). Однако против этого резко выступили англичане, и в таком масштабе проект не был реализован. Тем не менее, в ходе последующих переговоров было подписано соглашение о формировании на территории СССР авиационной эскадрильи с участием французских лётчиков и авиамехаников. Для решения практических вопросов Р. Гарро и его сотрудники неоднократно выезжали в город Иваново, где и была сформирована французская эскадрилья (Жоффер 1982; Голль 2003).

Весьма конструктивно складывались отношения с миссией, оккупированной фашистами Норвегии.

Антифашистская борьба, развернувшаяся в этой северной стране, вызывала большие симпатии у советских людей. В сентябре 1942 г. советское посольство в Стокгольме, со ссылкой на норвежское движение сопротивления, обратилось с просьбой об оказании ему практической помощи по ведению партизанской войны. Норвежцы просили поделиться опытом организации небольших партизанских отрядов и поддержания связей между ними, проведения совместных действий силами партизан и подполья. Их интересовали также вопросы тактики партизанских боев и выбор объектов для нападения. Замнаркома С.А. Лозовский запросил в этой связи мнение наркома внутренних дел Л.П. Берия. В итоге просьба норвежцев была удовлетворена (Документы внешней политики СССР... 2010 b: 186).

Незаурядной личностью оказался и норвежский посланник Рольф Андворд. Когда находившимся на излечении в Куйбышеве раненым бойцам потребовалась кровь, он одним из первых откликнулся на призыв городской станции переливания, а, сдав кровь, написал незнакомцу такие строки: «Пройдут столетия, и дети Советского Союза и других свободолюбивых народов с горящими глазами будут читать в книге истории главу “Храбрый русский солдат спасает цивилизованный мир”. Со всех концов Норвегии несутся мысли к победоносной Красной Армии с благодарностью за мощные усилия в борьбе против нашего общего врага. Я отдаю кровь из моего сердца» (Дмитриева 2001: 71).

Сложные отношения сложились у НКВД с миссией Польши. Советская сторона стремилась к восстановлению добрых отношений с этим далеко не добрым

соседом. Однако русофобство настолько глубоко впиталось в кровь польской элиты, что любые шаги навстречу Советскому Союзу строились даже в этот период на заведомо враждебной основе. Переговоры между представителями СССР и польского эмигрантского правительства в Лондоне во главе с генералом В. Сикорским завершились лишь 30 июля 1941 г. В соответствии с подписанным соглашением между странами восстанавливались дипломатические отношения и оба правительства обязались «оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии». Москва согласилась на создание на советской территории польской армии численностью до 96 тыс. человек, которая по мере готовности той или иной дивизии немедленно будет направляться на советско-германский фронт.

«Лондонское правительство» назначило командующим польской армией генерала В. Андерса. Формирование новой армии началось немедленно, но с первых же дней стало ясно, что Андерс намеревается сделать все, чтобы не посылать польские войска на германо-советский фронт, сохранив их до момента «когда СССР будет разбит», а затем просто увести армию с территории Советского Союза. И. Сталин понимал это, но вынужден был помогать полякам, не желая ссориться с У. Черчиллем.

В Куйбышеве поляки вели себя демонстративно нагло, предъявляя советской стороне постоянные необоснованные претензии. Сотрудники открыто занимались спекуляцией и распространением антисоветских материалов. В листовках содержались призывы «не спешить проливать польскую кровь, пока линия фронта не будет пролегать по польской земле» и «выполнить в этой войне роль чехословацкой армии в годы гражданской войны».

Осенью 1941 г. в Куйбышеве проездом из Лондона находились глава эмигрантского правительства генерал Сикорский, командующий польской армии на территории СССР генерал Андерс и начальник штаба генерал Климецкий (Кот 1956). 3 декабря Сикорского и Андерса в Москве принял И. Сталин. В ходе переговоров стало ясно, что польские войска на территории СССР воевать не будут, а предпочтут уйти в распоряжение англичан. Всё это происходило в разгар битвы под Москвой (Климковский 1991).

Тем не менее, поскольку разрешение на формирование польских частей было дано Сикорский и Андерс в сопровождении А.Я. Вышинского выехали в Бузулук, Тоцкое и Татищево инспектировать находившиеся там воинские подразделения. Эта работа требовала немалых усилий и в польской миссии начались внутренние разногласия, приводившие к шумным информационным выбросам. При этом руководители не стеснялись в выражениях (Кот 1959).

Иллюстрацией этих взаимоотношений может служить отзыв В. Андерса о после Станиславе Коте. Андерс утверждал, что профессор Кот «совершенно не знал России», а «поскольку водки не пил, то считался подозрительным». Кот был удивительно бездушен по отношению к людям, а что касается организационной стороны дела – «большей бездарности я не встречал» (Андерс 1990: 26).

После неоднократных обвинений в шпионской деятельности посол С. Кот был объявлен персоной нон грата и выслан из СССР (Кот 1959). А 20 июля 1942 г. А.Я. Вышинский заявил временному поверенному в делах Польши, что «Советскими компетентными органами установлено, что представители посольства на местах и их сотрудники вместо лояльного выполнения своих, установленных специальным «Положением» обязанностей по оказанию помощи польским гражданам, в тесном сотрудничестве с местными органами советской власти, занимались враждебной по отношению к Советскому Союзу деятельностью и вели разведывательную работу, в связи с чем они и были арестованы» (Документы внешней политики СССР... 2010b).

Летом 1942 г. в разгар битвы под Сталинградом польская армия, обмундированная и вооружённая Советским Союзом, отказалась воевать против фашистов и «доблестно» ушла через Иран к англичанам.

Возвращение в Москву сотрудников наркомата и дипломатического корпуса состоялось после победы на Курской дуге. Выезжали посольства специальными поездами 10-25 августа 1943 г. Окончательно Куйбышев вернул Москве статус столицы СССР только в конце 1943 г.

Подводя итог краткому анализу деятельности НКВД СССР в «куйбышевский период», следует отметить, что, несмотря на трудности военного времени, советские дипломаты в целом успешно решали поставленные руководством задачи. Разумеется, «скупенность» сотрудников центрального аппарата и иностранных дипломатов в небольшом областном городе вносила свои трудности в их практическую реализацию. Тем не менее, стремление к общей победе, понимание ответственности перед своим отечеством объединяли эту разноплеменную «дипломатическую команду» и облегчали поиск компромиссных решений.

Как справедливо отмечал в своей статье президент России В. Путин: «Даже наиболее непримиримые противоречия – геополитические, идеологические, экономические – не мешают находить формы мирного сосуществования и взаимодействия, если на то есть желание и воля»³.

Итогом «куйбышевского этапа» дипломатической деятельности 1941-1943 гг. стало восстановление утраченных в предвоенные годы контактов на высшем уровне с Великобританией и США, а также совместная подготовка и подписание соответствующих соглашений о военно-политическом союзе, заложивших, в том числе, основы послевоенного миропорядка. Отодвинув на второй план серьёзные политические разногласия, советская дипломатия вовлекла в антигитлеровскую борьбу эмигрантские правительства стран, оккупированных Германией, оказав им не только политическую поддержку, но и предоставив возможность сформировать собственные вооружённые силы на советской территории. Разумеется, далеко не всё сложилось так, как хотелось. Наглядный

³ Путин В. 2020. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. *Российская газета*. 19.06.2020

пример – предательство генерала Андерса, который увёл в Иран сформированную и вооружённую Советским Союзом польскую армию в разгар Сталинградской битвы. С помощью дипломатических и политических средств удалось не допустить вступления в войну против нашего государства Японии, а также нейтрализовать те силы в Афганистане, Иране и Турции, которые стремились к союзу с Германией.

Сегодня, празднуя 75-летие Великой Победы, важно помнить о том, что весомая роль в её достижении принадлежит советским дипломатам, которые в предвоенный период боролись за предотвращение германской агрессии, а с первых же дней войны включились в создание антигитлеровской коалиции. Дипломатическая служба всегда была неотъемлемой частью своего государства и народа. Сохранение памяти о славном прошлом отечественной дипломатии необходимо не только как подтверждение преемственности истории нашей страны, её славных традиций, но и как пример, достойный подражания для новых поколений российских дипломатов.

Об авторе:

Станислав Иванович Чернявский – доктор исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, директор Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: January 27, 2020

Accepted: May 25, 2020

The People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID) of the USSR in the City of Kuibyshev (1941-1943)

S.I. Chernyavsky

DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-178-198

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: This article analyzes the work of the People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID) of the USSR in the city of Kuibyshev (now Samara), where it was evacuated in 1941-1943 together with other central government agencies and the diplomatic corps accredited in the USSR. Although this period was quite short, and though key decisions were, of course, made in Moscow, intense rough work was being carried out in the "reserve capital", which ensured the solution of the tasks set by the country's leadership to the NKID apparatus.

The aggression of Nazi Germany found the Soviet Union poorly prepared not only militarily, but also diplomatically. Due to the opposition of the Western powers, domestic diplomacy failed to create a collective security system to prevent the aggression of Germany, Italy and Japan. Negotiations with representatives of Great Britain and France, which were conducted in 1939, were interrupted and relations with these countries were virtually frozen.

Some important strategic tasks were set before Soviet diplomacy. First of all, it was about the concentration of diplomatic activity in specific areas that could provide real assistance to the Red Army in obtaining the necessary weapons and strategic raw materials. Among other tasks were the search for allies, establishing effective military, economic and political cooperation with them, counteracting the expansion of the Nazi coalition at the expense of Sweden and Turkey, and conducting an extremely balanced policy in the Far East in order to avoid a military clash with Japan.

Due to the deterioration of the military situation on the Western Front and the imminence of the capture of Moscow, on October 16, 1941, the main staff of the People's Commissariat for Foreign Affairs, headed by its Deputy Chairman A. Vyshinsky, as well as members of the diplomatic corps were evacuated to Kuibyshev (now Samara). V. Molotov and a small group of assistants remained in Moscow.

The relations between the NKID and the embassies evacuated to Kuibyshev evolved differently. The level and the intensity of contacts with them largely depended on bilateral relations with the respective nations. Contacts with the embassies of Great Britain and the USA were naturally at the top of the agenda. By way of ambassadors of these countries the key tasks of forming the anti-Hitler coalition were being solved, and the dates of summit meetings were agreed upon.

The crowding of the central office staff and foreign diplomats in a small regional city certainly introduced difficulties into the practical implementation of many tasks. Nevertheless, the striving for a common victory and the awareness of responsibility to their own country, united this motley crew of diplomats, and facilitated the search for compromise solutions. The return to Moscow of the employees of the People's Commissariat and the diplomatic corps took place after the victory in the Battle of Kursk in the summer of 1943. Only at the end of 1943 Kuibyshev did finally cede its status of the capital of the USSR to Moscow.

Keywords: people's Commissariat of foreign Affairs of the USSR, Kuibyshev, Samara, Great Patriotic war.

About the author:

Stanislav Ivanovich Chernyavsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ambassador extraordinary and Plenipotentiary, Director of the center for post-Soviet studies of the MGIMO Institute of international studies of the Russian Foreign Ministry.

E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com

Conflict of interests: The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Assarsson V. 1963. *I skuggan av Stalin*. Stockholm. 237 p.
- Gillies D. 1999. *Radical Diplomat: The Life of Sir Archibald Clark Kerr, Lord Inverchapel, 1882–1951*. British Academic Press. 320 p.
- Kot S. 1956. *Listy z Rosji do gen. Sikorskiego*. Londyn: Jutro Polski. 580 pp.
- Kot S. 1959. *Rozmowy z Kremlem*. Londyn: Jutro Polski. 336 p.
- Mayers D. 1995. *The Ambassadors and America's Soviet Policy*. Oxford University Press. 335 p.

- Anders V. 1990. Bez posledney glavy [Without the Last Chapter]. *Inostrannaya literatura*. №11. P. 231–255; №12. P. 219–250. (In Russian)
- Berezhkov V.M. 1987. *Stranitsy diplomaticheskoy istorii [Pages of Diplomatic History]*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 616 p. (In Russian)
- Dann D. 2004. *Mezhdru Ruzvel'tom i Stalinym: Amerikanskiye posly v Moskve [Between Roosevelt and Stalin: American ambassadors in Moscow]*. Moscow: Tri kvadrata. 472 p. (In Russian)
- Dmitriyeva E.Ya. 2001. *Samarskaya oblast' [Samara Region]*. Samara: Samarskiy dom pechati. 115 p. (In Russian)
- Dokumenty vneshney politiki SSSR. 1942 [Documents of foreign policy of the USSR. 1942]*. 2010a. T. XXV: v 2-kh kn. Kn.1 yanvar'-iyun'/MID RF. Tula: ZAO «Grif i Ko». 524 p. (In Russian)
- Dokumenty vneshney politiki SSSR. 1942 [Documents of foreign policy of the USSR. 1942]*. 2010b. T. XXV: v 2-kh kn. Kn.2 iyul'-dekabr' /MID RF. Tula: ZAO «Grif i Ko». 568 p. (In Russian)
- Goll' Sh. de. 2003. *Voyennyye memuary: Prizyv 1940-1942 [Military Memoirs: the Call of 1940-1942]*. Moscow: OOO «Izdatel'stvo Astrel'». 814 p. (In Russian)
- Israelyan V.L. 1985. *Diplomatiya v gody voyny (1941-1945) [Diplomacy during the War (1941-1945)]*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 480 p. (In Russian)
- Ivanov M.I. 2000. O rabote v NKID v Moskve i Kuybysheve i komandirovke v Iran. (1941-1942) [About Work in the NKID in Moscow and Kuibyshev and a Business Trip to Iran. (1941-1942)]. *Diplomaty vspominayut. Mir glazami veteranov diplomaticheskoy sluzhby*. T.4. Moscow. 332 p. (In Russian)
- Joffre F. de. 1982. *Normandiya – Neman: Vospominaniya lotchika [Normandy-Neman: Memories of the Pilot]*. Moscow: Voenizdat. 176 p. (In Russian)
- Klimkovskiy Ye. 1991. *Ya byl ad'yutantom generala Andersa [I was Aide-de-camp to General Anders]*. Perevod s pol'skogo M.M. Rymzhi. Moscow: Izdatel'stvo MEI. 288 p. (In Russian)
- Novikov N.V. 1989. *Vospominaniya diplomata (Zapiski o 1938–1947 godakh) [Memoirs of a Diplomat (Notes on the Years 1938-1947)]*. Moscow: Politizdat. 399 p. (In Russian)
- Pavlov A.Ye. 1995. *Zapasnaya stolitsa [Reserve Capital]*. Samara: Samarskiy dom pechati. 95 p. (In Russian)
- Rupasov A., Samuel'son L. 2014. *Sovetsko-shvedskiye otnosheniya: vtoraya polovina 1940-kh – nachalo 1960-kh gg. [Soviet-Swedish Relations: the Second Half of the 1940s – Early 1960s.]*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 272 p. (In Russian)
- Susloparova Ye. A. 2018. Stafford Kripps (1889-1952): politicheskii portret [Stafford Cripps (1889-1952): Political Portrait]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. №5. DOI: 10.31857/S013038640001431-2 (In Russian)
- Svoboda L. 1963. *Ot Buzuluka do Pragi [From Buzuluk to Prague]*. Moscow: Voenizdat. 408 s. (In Russian)
- Tikhvinskiy S.L. 2006. *Izbrannyye proizvedeniya: v 5 kn.: Otechestvennaya i vseмирnaya istoriya: Velikaya Otechestvennaya voyna, vneshnyaya politika i mezhdunarodnyye otnosheniya [Selected Works: in 5 books: Domestic and World history: the Great Patriotic war, Foreign Policy and International Relations]*. Kn.4. Moscow. 562 p.

Список литературы на русском языке:

- Андерс В. 1990. Без последней главы. *Иностранная литература*. №11. С. 231–255; № 12. С. 219–250.
- Бережков В.М. 1987. *Страницы дипломатической истории*. Москва: Международные отношения. 616 с.
- Голль Ш. де. 2003. *Военные мемуары: Призыв 1940-1942*. Москва: ООО «Издательство Астрель». — 814 с.
- Данн Д. 2004. *Между Рузвельтом и Сталиным: Американские послы в Москве*. Москва: Три квадрата. 472 с.
- Дмитриева Э.Я. 2001. *Самарская область*. Самара: Самарский дом печати. 115 с.
- Документы внешней политики СССР. 1942*. 2010а. Т. XXV: в 2-х кн. – кн.1 январь-июнь/МИД РФ. Тула: ЗАО «Гриф и Ко». 524 с.
- Документы внешней политики СССР. 1942*. 2010б. Т. XXV: в 2-х кн. – кн.2 июль-декабрь /МИД РФ. Тула: ЗАО «Гриф и Ко». 568 с.
- Жоффр Ф. де. 1982. *Нормандия – Неман: Воспоминания лётчика*. Москва: Воениздат. 176 с.
- Иванов М.И. 2000. О работе в НКВД в Москве и Куйбышеве и командировке в Иран. (1941-1942). *Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы*. Т.4. Москва. 332 с.
- Израэля В.Л. 1985. *Дипломатия в годы войны. (1941-1945)*. Москва: Международные отношения. 480 с
- Климковский Е. 1991. *Я был адъютантом генерала Андерса*. Перевод с польского М.М. Рымжи. Москва: Издательство МЭИ. 288 с.
- Новиков Н.В. 1989. *Воспоминания дипломата (Записки о 1938–1947 годах)*. Москва: Политиздат. 399 с.
- Павлов А.Е. 1995. *Запасная столица*. Самара: Самарский дом печати. 95 с.
- Рупасов А., Самуэльсон Л. 2014. *Советско-шведские отношения: вторая половина 1940-х - начало 1960-х гг*. Москва: Российская политическая энциклопедия. 272 с.
- Свобода Л. 1963. *От Бузулука до Праги*. Москва: Воениздат. 408 с.
- Суслопарова Е.А. 2018. Стаффорд Криппс (1889—1952): политический портрет. *Новая и новейшая история*. № 5. DOI: 10.31857/S013038640001431-2
- Тихвинский С.Л. 2006. *Избранные произведения: в 5 кн.: Отечественная и всемирная история: Великая Отечественная война, внешняя политика и международные отношения*. Кн.4. Москва. 562 с.